

Зуева, О.В. Первое письмо Василия Грязного к Ивану IV: жанровый стандарт и авторская индивидуальность / О.В. Зуева // Роль личности в истории: реальность и проблемы изучения: науч. сб. (по материалам 1-й Международной научно-практической Интернет-конференции) / редкол. В. Н. Сидорцов (отв. ред.) [и др.]. – Минск : БГУ, 2011. – С. 139–143.

О.В. Зуева (Минск, БГУ)

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ВАСИЛИЯ ГРЯЗНОГО К ИВАНУ IV: ЖАНРОВЫЙ СТАНДАРТ И АВТОРСКАЯ ИНДИВИДУАЛЬНОСТЬ

Изучение эпистолярных текстов той или иной эпохи сквозь призму лингвокультурологии позволило создать «речевые портреты» Ивана Грозного [4; 5; 6], патриарха Никона [9], Петра Великого [1] и других деятелей русской истории. Подобные исследования направлены на установление и описание характеристик сильной языковой личности (личности, оказавшей влияние на развитие русского литературного языка), которой является избираемый автор. Обращение к письмам исторических лиц второго и третьего плана менее популярно, в то время как именно такие источники оказываются наиболее ценными не только для моделирования языковой личности, но и для изучения жанрово-стилистического стандарта: например, если яркая натура протопопа Аввакума разрушает каноны составления духовных посланий, то расколоучитель Федор Иванов, напротив, следует им, и именно его «нормативные» письма оттеняют новизну сочинений Аввакума.

Предметом нашего исследования является взаимодействие стандартного и индивидуального начал в письме опричника Василия Грязного к Ивану IV, отправленном из крымского плена в 1576 г. Известно два письма Грязного: первое создано в ответ на послание Ивана Грозного (также ответное – иницилирующее письмо Грязного неизвестно), и содержание его составляют заверения в верности и пространное описание тягот пленения; второе письмо кратко информирует о событиях в Крыму. Эта переписка хорошо изучена как исторический источник [10] и как памятник древнерусской смеховой культуры [4]. Мы предлагаем результаты наблюдений над языком писем Василия Грязного в аспекте отражения в текстах, с одной стороны, жанрового композиционного и лингвостилистического инварианта, а с другой – проявления личности пишущего, сознательно отступающей от жанрового канона либо, напротив, гиперкорректно следующей ему. «Фоном» для исследования писем Грязного, дающим представление о специфике древне- и старорусского эпистолярного жанра, стал материал более чем тысячи писем различных типов XI–XVII вв. [3].

Послания опричника занимают промежуточное положение между частным и официальным типом письма. Тексты зафиксировали обращение к царю прежнего его приближенного, «мастера лихой потехи, шутника и балагура» [5, с. 193] по приватному жизненно важному вопросу. В то же время крайне значительная разница статусов и коммуникативных ролей адресанта и адресата (опальный «полоняник» – проситель и снизошедший до диалога царь), этикетность средневекового русского уклада предопределили невозможность понижения регистра общения.

На типологическую «переходность» послания Грязного указывает не только ситуация эпистолярного общения, но и структура текстов. Послание сочетает в себе форму письма и форму челобитной (отметим, что второе письмо Грязного отличается построением, в частности, оно не имеет признаков челобитной ни в зачине, ни в семанте, ни в концовке). Начальный протокол челобитных используется в зачине текста для усиления экспрессивности: *Государю царю и великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси бедной холоп твой полоняник Васюк Грязной плачетца* [6, с. 253]. Завершение письма, однако, не соответствует норме конечного протокола документа и включает просительные обороты, распространенные в старорусской деловой переписке: *И яз, холоп твой, о том тебе, государю, плачюсь, чтоб ты милость показал свой царской сыск учинил то ся как деяло и чего для: хоти мне, холопу, и умерети случитца, ино бы тебе, государю, известно было в правду* [6, с. 257]. В проанализированной нами официальной служебной и частной деловой переписке XV–XVII вв. прощание отсутствует примерно в каждом четвертом тексте, поэтому отсутствие данного фрагмента, или смыслового блока, в письме опричника предсказуемо.

С официальным служебным посланием письмо Грязного сближается также по наличию и способам наполнения ряда смысловых блоков. Грязной использует формулы блока «констатация получения письма адресата», дословно цитируя исходный текст: *Писал еси, государь ко мне, холопу своему, кое было мне бес путя среди крымских улусов не заезжати...* Семантему Грязной организует как ответы на упреки царя, вводя новую информацию при помощи клише *да в твои же государеве грамоте писано*. В тексте используются различные деловые формулы, однако они не могут рассматриваться как жанрообразующие, т.к. выполняют лишь номинативную функцию, обозначая те или иные реалии: *да послал Василья Олександрова с товарищи; яз... бил челом; чтоб ты... сыск учинил* и др.

Послание Грязного включает формулы не только официального, но и частного бытового письма, причем введение этих формул специфично. Одним из древнейших и наиболее клишированных эпистолярных смысловых

блоков является блок «сообщение о себе». Официальным письмам блок «сообщение о себе» практически неизвестен. Старейшая фиксация блока во всем корпусе изученных нами писем – *по здоровоу ва (вам) есмы*, частная берестяная грамота Город. 1, к. XI в. [2, с.274]. В старорусских письмах в составе блока выделяются шесть содержательных элементов (приводим в типичной текстовой последовательности). (1) Привлечение внимания адресата: клише *буди ти сведомо, пожалуеш похош ведать о мне изволишь / велишь спросит, естли изволишь воспомянут о мне* и т.п. (2) Указание места пребывания: *здесе, на Москве* и т.п. (3) Указание времени пребывания: клише *в тых часех, по се число*; инверсивные обороты *октября по АІ число, марта въ КГ день*. (4) Оценка условий благоприятности пребывания: клише *даль богъ, до воли бжїи, милостію бжїєю, твоими молитвами, по грехомъ моимъ* и др. (5) Сообщение о себе – собственно конституирующий блок элемент: клише *язъ живъ, язь въ живыхъ обретаюся / пребываю / маюся*; клише *я здорово, въ дому здорово* и т.п. Устойчивые распространители формул: *телесне, въ печаляхъ, чуть, едва, с подружием и чады моими* и др. (6) Выражение благоприятных ожиданий: клише *доколе бог повелит, и впредь уповаю на его жъ милость* и др.

Фрагмент семантемы письма опричника Грязного построен как указанный смысловой блок: *А в Крыме (2) что было твоих государевых собак изменников, и божиим милосердьем за твоим государевым счастьем (4) яз, холоп твои, всех перекусал же (5), все вдруг перепропали, одна собака остался – Кудеяр, и тот по моим грехом (4) маленко свернулся, а вперед начаяс на милость божію (6), только бог грехов не помянет, и того тут не будет же [6, с.254]. Примечательно то, что Грязной сообщает не этикетную, а актуальную информацию; он не разрушает жанровую формулу, а напротив, «встраивает» в нее свое сообщение, возможно, стремясь улучшить его литературную форму, достойную стиля адресата. Преувеличенное соблюдение Грязным нормы показательно и не требует комментария.*

Не распространены в светской частной и официальной переписке XV–XVII вв. формулы блока «характеристика своего письма». Данные обороты устойчивого содержания, варьируемые лексически, типичны для духовных посланий. Грязной преобразует этот блок: он характеризует свое предыдущее письмо, используя формулу *писано неисправно*, известную старорусским письмам: *А тогды потому, милостивый государь, писмо писано неисправно: яз был тогды при смерти, а не писать яз, холоп твой, не смел такова слова* [6, с. 256]. Аналогично Грязной включает в текст формулу блока «объяснение задержки своего письма», распространенную в духовной переписке, однако использует при этом разговорные, а не книжные языковые конструкции: *А ныне вести х тебе, ко государю, потому не писал – скажет*

тебе, государю, Иван Мясоедов [6, с. 256]. Таким образом, он производит стилистическую обработку текста, комбинируя блоки различных типов писем, в том числе изменяя их лексическое наполнение.

При всей экспрессивности текста письма, в нем практически отсутствуют книжные слова и грамматические формы. Грязной не стремился, а возможно, не мог произвести впечатление на адресата знанием церковно-учительной литературы и оборотов высокого слога. Текст изобилует разговорными формами, свойственными бытовому неофициальному общению: *а ково ни пошлю, и тот не доедет да воротитца; а Дивея, государь, яз за себя не суливал* и др. Церковнославянские формы в тексте немногочисленны и, что предсказуемо, используются в устойчивых контекстах, нередко наряду с разговорными оборотами: *я бы не дерзнул так писати для своеи головы...*, *сподобил бы Бог умерети за вас* и подобные. Дважды встречается устаревшая к XVI в. форма перфекта: *царю есми сказывал; есми послал к тебе... две грамоты*. В обоих случаях адресант указывает и на себя, и на царское лицо – возможно, употребление форм перфекта первого лица *есми сказывал, есми послал*, синонимичных сочетаниям *язь сказывал, язь послал*, целенаправленно и является знаком социальной иерархии

В письме неоднократно упоминаются царь и Бог в одном контексте: *да буди воля Божия да твоя государева; аще не Бог да не ты поможешь – ино некому* и др. На этот факт обращали внимание исследователи видя в нем либо отражение «апологии абсолютизма», либо использование устойчивых местнических формул. Отметим, что выражения типа *волен Бог да и ты, надеяться опроча Бога и тебя не на кого* были широко распространены в старорусском разговорном языке и жанровой отнесенности не имели. При этом, активно вводя подобные обороты в свое послание, Грязной, безусловно, ориентировался на известного своей истовой религиозностью адресата, придавая старым словесным клише новое прагматического значение.

Анализ послания Василия Грязного 1576 г. показал, каким образом уникальность ситуации эпистолярного общения влияет на коммуникативное поведение пишущего. Автор несвободен в самовыражении: его послание – ответ на письмо царя, и оно организовано в соответствии с последовательностью царских обвинений. Послание насыщено эпистолярными формулами. Даже незкетная информация заключается в рамки языкового клише. В то же время Грязной индивидуализирует жанровый стандарт: он не только объединяет послание с челобитной, но и комбинирует в рамках одного текста стилистические свойства разных типов писем (официального делового, частного бытового, частного духовного).

Включение формул в нетипичные контексты также придает тексту выразительность. Тем не менее, как известно, ожидаемый адресантом прагматический эффект от обращения к царю достигнут не был.

Обращение к эпистолярным источникам позволяет увидеть, каким образом сквозь жанровый стереотип преломляется личность автора. Степень клишированности или оригинальности его речевого поведения, характер цитации иных текстов, самый стиль изложения отражают, в конечном счете, самосознание определенной исторической эпохи, постижение которого является важной задачей современной гуманитарной науки.

1. Гайнуллина, Н.И. Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н.И. Гайнуллина ; Казахстанский гос. ун-т. – Алматы, 1996. – 52 с.
2. Зализняк, А.А. Древненовгородский диалект / А.А. Зализняк. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 872 с.
3. Зуева, О.В. Стиль эпистолярных текстов XI–XVII веков и его место в истории русского литературного языка : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.02 / О.В. Зуева ; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2009. – 26 с.
4. Лихачев, Д.С. Смех в Древней Руси / Д.С. Лихачев, А.М. Панченко, Н.В. Понырко ; АН СССР, Отдел. лит-ры и яз. – Л. : Наука, 1984. – 296 с.
5. Лихачев, Д.С. Стиль произведений Грозного и стиль произведений Курбского (царь и «государев изменник» / Д.С. Лихачев // Переписка Ивана Грозного и Андрея Курбского / текст подг. Я.С. Лурье, Ю.Д. Рыков. – М. : Репринт. изд.1981 г., 1993. – С. 183–213.
5. Первое письмо опричного думного дворянина Василия Грязного царю Ивану IV // Обнорский, С.П. Хрестоматия по истории русского языка : в 2 ч. / С.П. Обнорский, С.Г. Бархударов. – М. : Учпедгиз, 1948–1952. – Ч. 1. – 1952. – С. 253–257.
6. Попова, О.В. Языковая личность Ивана Грозного (На материале деловых посланий) : Дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / О. В. Попова. – Омск, 2004. – 177 с.
7. Садиков, П.А. Очерки по истории опричнины / П.А. Садиков. – Л. : РИСО АН СССР, 1950. – 594 с.
8. Севастьянова, С.К. Эпистолярное наследие патриарха Никона. Переписка с современниками: исследования и тексты / С.К. Севастьянова / науч. ред. Е.К. Ромодановская. – М. : «Индрик», 2007. – 776 с.
9. Шокарев, С.Ю. Переписка Ивана IV Грозного с Василием Грязным и русско-крымские взаимоотношения второй четверти XVI в. // С. Ю Шокарев [Электронный ресурс]. – 2011. – Режим доступа : <http://krotov.info/acts/16/3/krym.htm>. – Дата доступа : 08.02. 2011.